there appear fantasies about depriving little Martion of the joy of life by means of violence and fear, which only an old man envious of a girl's youth and toying with his own corruption can weave.

The old generation represented by Dostoyevsky is faced with youthful aggression of terrorism, personified by Sergey Nechayev. The protagonist reduces the relationships between fathers and sons to mutual envy. The sons desire their fathers' wealth and social status, while the fathers envy their sons feelings, passion and energy. This envy breeds the revolution.

In the novel there is yet another view of the motif of old age because growing old concerns even the space. Petersburg and the whole of Russia is shown as an old, violent world which is the work of just as old and violent God.

Keywords: old age, youth, death, Dostoyevsky, *Demons*

Старый мастер из Петербурга (на материале романа Д.М. Кутзее)

Резюме

В статье рассматривается мотив старости в романе Джона Максвелла Кутзее *Осень в Петербурге*, главным героем которого является Федор Достоевский, пытающийся развязать загадку таинственной смерти своего пасынка. Все приключения и мысли главного героя объединяет мотив смерти, быстротечности жизни и старости. Молодость изображена в романе как чистота и добро, старость — как грязь и подлость.

Главный герой переживает старение, и этот процесс становится более ощутимым после получения известия о смерти Павла Исаева. У Достоевского возникают мысли о том, что начало старости приходит вместе с ощущением конечности собственного бытия. У него рождается подлый замысел изнасилования — чтобы лишить радости жизни юную Матрену, навсегда отравить ее страхом. Такие мысли могут появиться только у старика, отчаянно завидующего девичьей юности и ставящего эксперименты с собственной развращенностью.

Старшее поколение, представителем которого является Достоевский, противопоставлено в романе агрессивной силе молодых террористов, репрезентируемых Сергеем Нечаевым. Главный герой смотрит на проблему отцов и детей как на взаимную ревность. Сыновья жаждут имущества и достойного положения отцов, отцы завидуют чувствам, страсти, энергии молодых. Из этой ревности рождается революция.

Мотив старости в романе реализуется не только в образах героев, но и пространства. Петербург — а вместе с ним вся Россия — показаны автором старым жестоким миром, который создал такой же старый и жестокий Бог.

Ключевые слова: старость, молодость, смерть, Достоевский, *Бесы*

© for this edition by CNS

WIELKIE TEMATY KULTURY W LITERATURACH SŁOWIAŃSKICH
Slavica Wratislaviensia CLXIII • Wrocław 2016 • AUWr No 3729

DOI: 10.19195/0137-1150.163.23

ALEKSANDRA URBAN-PODOLAN
Uniwersytet Zielonogórski, Polska
olaup@wp.pl

Лики старости в рассказах Наталии Толстой

Действие большинства рассказов петербургской писательницы Наталии Толстой происходит в период трансформации государственного устройства СССР и в постперестроечные годы, хотя нередки и ретроспективные обращения к более ранним временам — „эпохе застоя", послевоенным и даже дореволюционным годам. Героинями прозы являются в основном женщины из близкой и знакомой писательнице университетской среды, зачастую одинокие или находящиеся в бессмысленных и пустых отношениях. Художественному миру произведений автора явно и красноречиво присуще автобиографическое начало. Именно материал, почерпнутый из собственной биографии, а также действительность, подмечаемая с женской точки зрения, представляет собой объект авторского осмысления в рассказах автора сборника *Одна*[1].

Как утверждает в одном из своих трудов французская писательница и философ Симона де Бовуар, старость

> это судьба, переживаемая по-разному в зависимости от социологического контекста. […] Наполненность смыслом этого периода, проживаемого в данном обществе, или его отсутствие характеризует ценности этого общества, поскольку именно в старости и раскрывается смысл или бессмысленность всей предыдущей жизни. […] Старение происходит в лоне общества и является абсолютно зависимым от природы этого общества и места, которое занимает в нем стареющий человек[2].

[1] Н. Толстая, *Одна. Рассказы*, Moskwa 2004. Далее по тексту, если не указаны другие источники, цитаты приводятся по данному изданию (с указанием страницы).

[2] S. de Beauvoir, *Starość*, przeł. Z. Styszyńska, Warszawa 2011, c. 14, 43 [здесь и далее по тексту, если не указана другая фамилия — перевод наш — A.U.-P.]. Изречение Симоны де Бовуар относится к концу 1960-ых годов, но многие современные научные работы подтверждают и продолжают развивать высказанные французским философом мысли. Ср., напр., у Д. Павловича: „Старость является одним из основных состояний человека и обще-

© for this edition by CNS

По этой же причине, несмотря на то, что осень жизни не является главным объектом интереса Наталии Толстой, тем не менее проблематика старости органично вписывается в круг вопросов, рассматриваемых этим вдумчивым наблюдателем и критически настроенным, подчас ироничным комментатором российской и советской общественной действительности.

В своих рассказах Толстая большое внимание уделяет нищете, с которой сопряжена старость большинства ее героев. В небольших житейских сценах, гармонично вплетенных в сюжетные линии произведений, автор рисует повседневную жизнь пожилых людей со свойственными старческому возрасту недостатками и обреченных вследствие убожества их существования на унижение или прозябание на обочине общества.

Несомненно, одним из самых впечатляющих и характерных образов в этом контексте является личность Гуннара Антоновича Свенссона из рассказа *Праздник Средневековья* (2003). Этот старый коммунист, по профессии учитель шведского языка, приехал в СССР в конце 20-х годов прошлого столетия, чтобы помогать строить коммунизм. Оказавшись в городке Висбю на мероприятии, организуемом каждый год в столице Готланда, героиня-рассказчица вспоминает об умершем под конец 1980-х лет преподавателе. Он, шведский идеалист, проработавший на чужбине полвека и до конца жизни верен своим воззрениям, умирает в неимоверном убожестве, забытый всеми и одинокий:

> Гуннар Антонович пережил всех генсеков и до последних дней, с палочкой, еле двигая ногами, приезжал с далекой окраины на партсобрания факультета. А когда собраний не стало, он перестал выходить из дома, было ему уже за девяносто. Вместе с коллегой я навестила его в конце восьмидеятых. Мы накупили фруктов, соков и почему-то орехов фундук. Гуннар Антонович, сильно похудевший, лежал на белоснежных простынях и приветливо улыбался. Было видно, что семья живет бедно. Шведский коммунист Гуннар Антонович прожил всю жизнь и теперь умирал в честной бедности. Когда мы собрались уходить […], его жена, отработавшая до пенсии медсестрой в поликлинике, спросила:
>
> — А денег ему не собрали?
>
> Нам в голову не пришло, что не фундук нужен беззубому старику, а чтобы бывшие товарищи по работе собрали денег (9).

Драматизм образа умирающего в нищете шведа усиливается за счет контрастного сопоставления условий его существования с условиями жизни пенсионеров скандинавских стран. Согласно представлениям героини:

ства, в котором наиболее значимо проявляется социальная сущность бытия личности и социума как системы. Только в человеческом обществе старость приобретает столь массовый характер и в отличие от других биологических сообществ является неким мерилом социальности в аспекте постоянного удлинения периода старости на фоне увеличения общей продолжительности жизни людей". Д. Павлович, *Старость как социально-философский феномен*, автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук, Нижний Новгород, http://cheloveknauka.com/starost-kak-sotsialno-filosofskiy-fenomen [доступ: 7.05.2015].

© for this edition by CNS

„Состарившись, они ничем не болеют и путешествуют по всему миру. Там нет очередей, нет убожества и хамства" (6).

В процитированном отрывке стоит также обратить внимание на то, как жизненный статус человека, его профессиональная активность или же осознание, что он полезен обществу влияет на его психофизическое состояние. Потеря целей, которые до сих пор придавали смысл существованию, неизменно ведет к истощению энергии и утрате витальности человеком. Именно такая деградация и настигла Гуннара Антоновича, когда после смены государственного строя он утратил смысл жизни, заключавшийся для него в партийных собраниях[3].

Очередным литературным свидетельством процесса социальной деградации, которую испытывает человек в старческом возрасте, когда ухудшается его материальный статус после выхода на пенсию, является рассказ *Чужие дети* (2003). Автор описывает в нем жалкое существование российских старушек, замеченных рассказчицей в одном из районов Санкт-Петербурга:

> Во дворе, на скамейке под тополем, сидели две старухи, одна — со странными наростами на щеке, другая — совсем убогая, с костылями. Одеты они были, как нищенки, хотя по разговору было ясно, что они не побираются, а живут тут же, в соседнем доме. […] Старуха с наростами приподняла подол клетчатой юбки и сказала:
>
> — По радио передавали, зима будет холодная. Надо будет юбку в реставрацию сдать.
>
> Мне хотелось вмешаться и дать совет: дешевле купить юбку в секонд-хенде, чем чинить рвань (33).

Если, однако, внешность старушек вызывает у читателя сочувствие, то очередная сцена с их участием, когда пенсионерки охотно откликаются на предложение „обрюзгшего дядьки" допить полупустую бутылку пива, удостоверившись, не справил ли он физиологическую нужду в эту предлагаемую бутылку, вызывает отвращение. Нищета и бесперспективность жизни полностью вытеснили из их сознания чувство собственного достоинства и довели до полного морального разложения. Такой феномен Симона де Бовуар назвала „обесчеловечиванием старости". Уже на исходе 1960-х годов она не боялась высказывать острые и меткие обвинения в адрес не только отдельных общественных систем, но и всей современной цивилизации. И хотя с тех пор много было сделано для повышения уровня защищенности пожилых людей, многие наблюдения французской писательницы по-прежнему не потеряли своей актуальности, тем более на фоне поступательно стареющего населения Европы.

---

[3] Симона де Бовуар к целям, придающим смысл жизни, наряду с посвящением своей жизни другим людям, общественным, интеллектуальным или творческим трудом, относит также и политические занятия, а также труд, посвященный какому-либо делу, труд на благо общества. См. S. de Beauvoir, *Starość*..., с. 607.

© for this edition by CNS

В данном рассказе попутно затрагивается и вопрос отношения взрослого сына к пожилой матери. Симона де Бовуар обращает внимание на тот факт, что взрослые дети притесняют своих родителей, остающихся на их содержании, считая их бесполезным балластом[4]. У Н. Толстой описана ситуация прямо противоположная: именно „обрюзгший дядька" является иждивенцем, живущим за счет матери-пенсионерки. К тому же, он испытывает зависть к матери и ее пенсии (к которой та вынуждена подрабатывать, собирая стеклотару!), злится, когда она просит его устроиться на работу, предъявляет претензии по поводу ее отношений с соседским стариком. Он полностью лишен совести и каких-либо моральных принципов, обзывает и унижает мать перед людьми:

> — Разве это мать? Курва нерусская. Куском попрекает. „Иди работай!" Какая работа, когда человек весь больной? Она бутылки собирает, да плюс пенсия. Живи и радуйся. Так нет, старика завела из шестого подъезда, а я ей мешаю (34).

Приведенный пример свидетельствует о том, что далеко не всегда пожилые люди являются „паразитами", как принято их оценивать, исходя из критерия их жизненной эффективности и продуктивности. Зачастую они ощущают социальную несправедливость, обречены на существование с доходами ниже прожиточного минимума, однако нередко проявляют, особенно женщины — невиданную предприимчивость в преодолении бытовых препятствий и одинокой жизни.

Крайнее убожество, одиночество, маргинализация, а также другие отрицательные аспекты старости часто изображены в рассказах Толстой. Так, в произведении *Змея и чаша* (2003) видим толпу пенсионеров, с самого рассвета ждущих у входа в поликлинику, чтобы записаться на бесплатный визит к врачу. Свое изумление и ошеломление от увиденного рассказчица выражает довольно образно и убедительно, используя метафору, основанную на армейской терминологии:

> Тут до меня дошло: вот что значила темная толпа в предрассветной мгле — толпа, которую я видела из окна автобуса и думала, что народ ждет цистерну с молоком, а это, оказывается, пенсионеры каждое утро готовятся к штурму окошка регистратуры, где выдают бесплатные номерки (54–55).

На низкую пенсию жалуется членам избирательной комиссии „старичок с палкой" из рассказа *Выбор России* (1998), явившийся в участок скорее всего для того, чтобы обратить чье-либо внимание на трудные материальные условия жизни пенсионеров, нежели проголосовать за кандидата в местное самоуправление. Старичок дважды с грустью повторяет, что „пенсии мало", однако равнодушный к его участи милиционер направляет беднягу к выходу.

[4] См. *ibidem*, с. 248.

© for this edition by CNS

Старушка из рассказа *Свободный день* (1995), бывшая соседка по даче главной героини Кати, несмотря на свой преклонный возраст, работает смотрителем зала в музее, хотя даже этот необременительный труд явно непосилен для нее. Повествователь, думается, понимает причины, которыми руководствуется старушка (месячный оклад и общение с людьми), поэтому изображает ее с большой терпимостью, пониманием, даже нежностью. Внимания заслуживает в особенности стилистический прием, используемый в описании старушки, заключающийся в уподоблении ее многовековой державе:

> тетя Наташа, охраняла в Эрмитаже Киевскую Русь, и Катя любила навещать ее. […] Когда в Киевской Руси светило солнце, тетя Наташа, разморенная, засыпала на бархатном стуле. Так, вдвоем с тысячелетней Русью, они спали, и никакие чужестранцы не смели нарушить их сон (137–138).

Одним из способов, к которому прибегают пенсионеры, чтобы достойно и спокойно прожить оставшиеся годы и дни, является переезд в деревню. Почти идиллический образ сельской жизни встречаем в рассказе *Деревня* (1995):

> Яковлевы, муж и жена, рано вышли на пенсию, продали квартиру на Севере и переселились в деревню навсегда. Все построили своими руками.
>
> Посреди уютного двора стояло кресло-качалка. Под навесом — „Москвич" с открытыми дверцами. В окне сарая виднелся профиль белоснежной козы. […]
>
> — Даже не хочу вспоминать городскую жизнь. Зимой ходим только за хлебом, в остальном живем автономно. Овощи, мясо — все свое (157).

Однако, такой выход возможен лишь для тех пенсионеров, кто владел в городе недвижимостью, чтобы купить на вырученные от продажи деньги дом в деревне, а кроме того необходимо еще и хорошее здоровье, чтобы заниматься собственным хозяйством, которое даст хлеб и возможность безбедно жить.

Хотелось бы обратить внимание на еще один аспект, затрагиваемый писательницей в ее рассказах о бедности пожилых людей в России. Это жизнь в домах престарелых и нетрудоспособных. Данной теме посвящен, в частности, рассказ *Дом хроников на Чекистов, 5* (1993), действие которого происходит в обозначенном в заглавии произведения интернате для инвалидов, куда приезжает с концертом шведский хор. Небольшой рассказ передает всю безотрадность жизни в подобного рода учреждениях, где царит бедность, сиротливость, беспросветность. Героиня-рассказчица, описывая старушек, явившихся на выступление иностранных хористов, не скрывает своего изумления и жалости:

> Это были очень старые женщины с палочками. На многих были байковые кофты с карманами. При виде этих кофт сжималось сердце: последний раз я видела такие кофты сорок лет назад — бабушки бедных девочек носили такие бесполые кофты-балахоны. Время не властно над синей байковой кофтой. Ее носят в домах хроников (103).

© for this edition by CNS

Да и сами жильцы интерната осознают свое жалкое положение. Они даже не способны проявить радость, получив заграничные подарки. Вместо того затихают и смущаются, „будто чего-то стыдились: то ли собственной бестолковости, то ли своей убогой одежды" (103).

Поражает нежность, с какой в рассказе изображаются больные с синдромом Дауна, к придиркам которых интернатские женщины относятся равнодушно-снисходительно, „как будто кошка прошла и задела край юбки" (103).

Итальянский католический писатель Алессандро Пронцато в одном из своих трудов выдвигает тезис о некоторой „вторичной обедненности", утверждая, что в современном обществе старые люди, независимо от их материального статуса, являются „обедненными" или же „вторичными обедненными", обреченными на изоляцию со стороны общества. Более того, в большинстве случаев пожилые люди действительно являются полными сиротами, и их одиночество представляет собой один из самых болезненных вопросов этой новой беды[5]. Наглядным примером этого социального феномена, свойственного нашему времени, является образ „уютной старушки", опоздавшей на концерт из-за болезненных и слабых ног. Она жалуется шведским хористам: „Одна я, совсем одна. Сын утонул, а мне бог смерти не дает. Жизнь-то совсем худая пошла…" (105)[6].

Риску остаться одинокими подвержены не только люди без семьи и близких, доживающие свою жизнь в домах-интернатах для престарелых и инвалидов. Такая участь может выпасть и на долю тех, у кого есть дети, живущие отдельно и не поддерживающие отношения с пожилыми родителями. Этой теме посвящен, в частности, рассказ *Свекровь* (1999), где пересекается несколько аспектов проявления лика старости и участи людей, которых она настигает.

Одно из действующих лиц рассказа, Вера Романовна, свекровь героини-рассказчицы, в молодости была настоящей красавицей, похожей на актрису Любовь Орлову, и долгие годы прилагала всяческие усилия, чтобы сохранить свою красоту. Она „часто доставала зеркальце и задумчиво гляделась в него: проверяла, не утратила ли чары. […] Про себя я называла ее «мисс тридцатые годы»" (310) — вспоминает Веру Романовну ее сноха. В год самых жестких репрессий, ради собственной безопасности, женщина уехала из родного города, полностью порвав отношения с арестованными родителями, и поступила в один из ленинградских вузов:

---

[5] См. A. Pronzato, *Starość czasem nadziei*, przeł. A. Ryndak-Laciuga, Kraków 2005, c. 80–81.

[6] Правда, среди жильцов интерната оказывается инвалид Лиходеев, который перебивает старушку, утверждая, что „у них все есть", а „государство их всем обеспечивает", но вряд ли он сам уверен в правильности сказанного. Скорее всего, в нем говорит гордость за свою страну и желание казаться не в худшем положении, чем приехавшие к ним заграничные гости.

© for this edition by CNS

> В тридцать седьмом году она убежала из Перми, чтобы тень от арестованных родителей не пала на ее молодую жизнь. Поплакав, Вера вычеркнула прокаженных стариков из своей биографии, захлопнула дверь, ведущую в преисподнюю (310).

Этот поступок, может быть, и оправданный прежде всего политическими обстоятельствами в стране, свидетельствует, однако, об эгоизме героини. Также собственного сына она не поднимала сама, а отдала на воспитание дальним родственникам, живущим где-то в провинции. Сын Федя, внебрачный ребенок, родившийся в военные годы, вернулся в Ленинград уже подростком. К тому времени его мать успела развестись и повторно выйти замуж, а о Федином же отце в семье не упоминалось. Читатель вместе с героиней-рассказчицей следит за судьбой Веры Романовны и в завершении видит старую, одинокую, почти слепую, не покидающую дом женщину.

Как полагает Пронцато: „То, что более всего нужно старикам, это время, самой ценной услугой, которую мы можем им оказать, является посвящение им нашего времени”[7]. Овдовевшая Вера Романовна в этом вопросе не может надеяться на сына. По всей вероятности, своим отсутствием Федя расплачивается с матерью за ее прежнее самолюбие, за нехватку родительского тепла, внимания и любви. Рассказ (и одновременно весь сборник *Одна*) заканчивается просьбой, направленной бывшей уже снохе: „[…] если не забудете, напомните, пожалуйста, нашему общему знакомому, что у него есть мать” (318). Формальный стиль и официальный тон, присущий этой фразе, с одной стороны, отражает попытку матери не остаться одинокой на склоне последних лет жизни, с другой — свидетельствует о полном эмоциональном вакууме в отношениях матери с сыном.

Анализируя тему старости в рассказе *Свекровь*, стоит уделить внимание еще одному аспекту этого явления. Известно, что человек может буквально „состариться на глазах” под давлением неблагоприятных обстоятельств: собственных поражений и неудач, болезни, стресса, траура и т.д.[8] Именно такая внезапная метаморфоза произошла с Верой Романовной за два месяца, которые она провела в больничной палате, не отходя от постели умирающего мужа. Бывшая красавица, всегда аккуратная, ухоженная и следившая за собой, вышла оттуда „старухой с седыми патлами и впалыми щеками”, с глубокой печалью обнаружив, что „больше не похожа на Любовь Орлову” (317).

Справедливости ради, следует вспомнить и жизнерадостные лики старости, которые также появляются на страницах произведений петербургской писательницы, хотя их, несомненно, значительно меньше, нежели картин, изображающих жалкую жизнь людей преклонного возраста. Одним из таких примеров является образ старичка-пенсионера, встреченного героиней рассказа *Полярные зори* (2000) в поезде, следующем на Север. Про себя она называет его „старик-гогочка”, „дед — маменькин сынок”, поскольку

[7] A. Pronzato, *Starość czasem*..., c. 78.
[8] Ср.: S. de Beauvoir, *Starość*..., c. 37.

© for this edition by CNS

он без умолку расхваливает свою супругу, которая, по его словам, является женщиной искусной во всем: готовит, вяжет, выращивает цветы. При этом она неустанно заботится о том, чтобы муж правильно и регулярно питался и отдыхал, а также о том, чтобы в его жизни присутствовала некая физическая активность — регулярные прогулки. Василий Афанасьевич искренне благодарен жене, поскольку уверен, что без ее заботы и ухода „бы уже давно на кладбище лежал", и даже прощает ей, что „пить ни грамма не дает" (258). И, действительно, он предстает перед читателем и героиней-рассказчицей весь „образцовый": „Гладкий, чистый, добродушный. На каждой коробке с едой жена наклеила ему номер: первая, вторая… А внутри — влажные салфетки, и каждый бутерброд в целлофане" (258).

Попутчикам на вопрос о детях отвечает, что у него есть сын, но он живет отдельно и они почти с ним не встречаются. При этом симпатичный старичок задумывается и грустнеет. Можно предположить, что эта почти идиллическая жизнь, будет длиться до тех пор, пока оба супруга будут живы. Его, как и его жену, неизбежно ждет унылое и нерадостное одиночество, когда один из них отойдет в мир иной.

Примером пенсионера со сложившейся удачно судьбой является Кузьма Исакович из рассказа *Отцепленный вагон* (1997), проработавший сорок пять лет на секретном заводе, а на старости лет занявшийся литературным творчеством:

> Дедушка вставал рано и не мог дождаться, когда все проснутся и можно будет стучать на машинке. Если рифма не шла, дедушка рисовал гуашью. Последняя работа — большой круг, а под ним маленький — называлась „Домбай перед сходом лавины" (203).

Оказывается, иногда пожилой человек обнаруживает в себе талант и начинает реализовывать нераскрытый ранее творческий потенциал. Однако это редкие и малочисленные случаи; они касаются, как правило, людей, чья финансовая ситуация стабильна, а пенсия достаточна, чтобы не вкладывать всю энергию жизни и мыслей в ежедневную заботу о выживании. Как следует из рассказа, „пенсия у дедушки Кузьмы Исаковича — сносная", поэтому время, проводимое им на пенсии, действительно является заслуженным отдыхом и временем „черпания радости" из жизни. Это относительно редко встречаемый образ, являющийся, по сути, противоположностью реальной действительности, драматизм которой Симона де Бовуар охарактеризовала следующим образом:

> Условия жизни, навязанные старикам обществом, настолько жалкие, что словосочетание «старый и бедный» стало уже почти плеоназмом. […] Свободное время не открывает перед пенсионерами новых возможностей. Когда, наконец, исчезают ограничения, они лишаются средств, дающих им возможность воспользоваться обретенной свободой. Они обречены на одиночество и безрадостное прозябание, как обычный мусор[9].

[9] *Ibidem*, с. 11.

© for this edition by CNS

Однако у Толстой можно встретить и упоминания о людях, которые, несмотря на преклонные годы готовы идти в ногу со временем и полны желания пользоваться радостями и красками жизни. Вот объявление из рубрики „Знакомства", которую от нечего делать просматривает в поезде героиня упоминаемого нами ранее рассказа *Полярные зори*. Среди объявлений героиню изумляет особенно одно: „Сексуальный, педантичный. Мне 81 год, но выгляжу моложе. Цвет волос — седой с лысиной. Ищу подвижную женщину с ч. юмора" (262).

Иногда в рассказах Толстой вдруг возникают неожиданные для читателя и, кажется, для самой героини-рассказчицы картины, поражающие своей несозвучностью представлениям современного человека об окружающей действительности. Именно они привносят светлые, оптимистические ноты в мрачную картину старости, исполненную вездесущей скудности и безнадежности. Вот финальный отрывок из рассказа *У себя дома* (2000), где изображена сцена отъезда группы экскурсантов, в состав которой входит и героиня, после посещения небольшого города Старая Русса в Новгородской области:

> Пора было возвращаться к автобусу. Я обогнула обшарпанный нежилой дом, и передо мной открылась неожиданная картина: огромный, уходящий вниз травяной склон, а там, за склоном, высокая крепостная стена, тянущаяся вдоль того самого монастыря, где мы только что были. Внизу, в глубине, у подножия стены, сидела на табуретке бабушка и читала книгу. В одной руке она держала веревку — пасла козу. Коза ходила кругами вокруг хозяйки, заматывая ее, а когда веревка кончалась, шла в обратную сторону, разматывала.
>
> Интересно, что читает бабушка у средневековой стены в двухтысячном году? (281–282).

Необычность увиденного, но прежде всего причисление старушки с козой к числу рудиментов минувших времен, выражено в заключительной фразе произведения: „Начитанная бабушка из оврага и маленькая козочка, вдруг испугавшаяся нашего автобуса, проплывали в свой параллельный мир. Они нас не слышали" (282).

Если отношение к старости является мерилом гуманности общества, то картина осени жизни, нарисованная в рассказах Наталии Толстой показывает общество с его самой неприглядной стороны. Вплетенные в ткань повествования образы представителей старшего поколения в большинстве своем говорят об удручающем положении пожилых людей в России во второй половине 20-го столетия. Лишь немногие изображенные писательницей персонажи, принадлежащие к этой социальной группе, ведут достойный образ жизни. Они могут продолжать умственную или творческую деятельность, а что важнее, у них сохраняется доступ к духовным благам и поддержка семьи, что и позволяет на склоне лет сохранять смысл жизни и уважение к самому себе.

© for this edition by CNS

Библиография

Beauvoir S. de, *Starość*, przeł. Z. Styszyńska, Warszawa 2011.
Pronzato A., *Starość czasem nadziei*, przeł. A. Ryndak-Laciuga, Kraków 2005.
Павлович Д., *Старость как социально-философский феномен*, автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук, Нижний Новгород, http://cheloveknauka.com/starost-kak-sotsialno-filosofskiy-fenomen.
Толстая Н., *Одна. Рассказы*, Москва 2004.

Pictures of elderliness in Nataliya Tolstoy's short stories

Summary

Although the dusk of life is not the focus of Nataliya Tolstoy's interests, it nevertheless occupies an important place among the issues dealt with by this keen observer and commentator of Soviet and Russian social realities. Assuming that the attitude to the elderly is a measure of a society's humanism, the picture that emerges from Tolstoy's works speaks very unfavourably of the society to which the writer belonged. The literary portraits of the members of the elder generation reveal the miserable conditions in which they lived in the Russia of the second half of the XX century. Few of her elderly protagonists' lives are decent — understood here as both material well-being, whereby they can meet their basic needs and sometimes even foster their artistic and intellectual talents, and the access to spiritual goods and their families' closeness and support, due to which in the twilight of their lives they can feel the sense of life and respect for themselves.

Keywords: Natalia Nikitichna Tolstaya, short story, elderliness, old age, loneliness, poverty

Oblicza starości w opowiadaniach Natalii Tołstoj

Streszczenie

Mimo że jesień życia nie stanowi głównego obiektu zainteresowania Natalii Tołstoj, niemniej jednak problematyka ta organicznie wpisuje się w krąg zagadnień poruszanych przez tę wnikliwą obserwatorkę i komentatorkę rosyjskiej i radzieckiej rzeczywistości społecznej. Jeśli przyjąć, że stosunek do starości jest miernikiem humanitaryzmu społeczeństwa, to obraz, jaki wyłania się z kart utworów Tołstoj, wystawia niepochlebne świadectwo społeczeństwu, do którego należała sama pisarka. Zaprezentowane w opowiadaniach portrety starych ludzi są świadectwem zwykle bardzo niskiego standardu ich życia w Rosji drugiej połowy XX wieku. Tylko nieliczni spośród nich żyją godnie, w dobrobycie, pozwalającym zaspokajać im podstawowe potrzeby, a niekiedy nawet rozwijać potencjał twórczy. Pomaga w tym dostęp do dóbr duchowych oraz bliskość i wsparcie rodziny.

Słowa kluczowe: Natalia Tołstoj, opowiadanie, starość, podeszły wiek, wiek późny, ubóstwo, samotność

© for this edition by CNS